

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д. э. н.

“НОВЫЕ КОЧЕВНИКИ” ПО-СТАРОМУ РВУТ РОССИЮ*

Почти всю свою историю русский народ воевал с теми или иными кочевниками, волны которых – сначала конные, потом моторизованные – накатывались на нашу страну и, иногда на время затапливая ее, неминуемо разбивались и скатывались в историческое небытие, обогащая наш народ мужеством, опытом борьбы и элементами своей культуры.

Глобализация не отменила этой закономерности, но лишь слегка видоизменила ее: сегодняшние кочевники – уже не половцы и не гитлеровцы, а представители качественно нового, глобального управляющего класса.

Это новый всемирно-исторический субъект, складывание которого стало важнейшим результатом кардинального упрощения коммуникаций в ходе глобализации.

Новые коммуникации сплачивают представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни. Образующие его люди живут не в странах, а в пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве современного владельца и управленца (нерасчлененного “хозяина” сталинской эпохи, что тоже является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков. В силу самого своего положения “над традиционным миром” он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, – и в первую очередь традиционной государственности.

* “Новые кочевники” – термин введён Ж. Аттали, философом, экономистом, бывшим президентом Европейского банка реконструкции и развития.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса. Соответственно, они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах “новых кочевников” – глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении интересами обычных обществ, сложившихся в рамках государств, – за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления).

Это именно та ситуация, которую мы на протяжении последних двух десятилетий национального предательства наблюдаем в России.

Это именно та ситуация, против которой восстают люди не только в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но даже и в самой цитадели глобального управляющего класса – США, где сотни тысяч людей участвуют в замалчиваемых акциях протеста. В Висконсине в конце февраля 25 тысяч госслужащих штурмом взяли сенат и несколько административных зданий, затем беспорядки охватили Алабаму, Огайо, многие крупные города вроде Филадельфии, – но официальные СМИ по всему миру молчат об этом.

Не потому, что это вредно американцам, – потому, что это вредно глобальному управляющему классу.

На наших глазах и с нашим непосредственным участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил – ибо разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими – не значит ничего перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии “новых кочевников”.

Более того: практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом, утрачивают свое значение. Они оказываются попросту ничтожными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобальным управляющим классом, равно враждебным любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания еще одного, пятого после существующих Социалистического, троцкистского, либерального и Финансового – как ни парадоксально, националистического Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни, благосостояния и культурного потенциала своих народов.

Северная Африка: глобальный управляющий класс выступил открыто

В силу своего неформального, сетевого и слабо структурированного характера глобальный управляющий класс трудно наблюдаем; его деятельность можно отслеживать в основном по косвенным признакам.

Так, как следует из воспоминаний отставных сотрудников ЦРУ, в 1985 году на основе общего врага – Советского Союза – сложилась новая глобальная сеть – техасско-саудовский клан, способствовавший снижению мировых цен на нефть и тем самым – крушению Советского Союза.

В 2003 году активность этого клана проявилась “в негативной форме”: уничтожение Ирака как суверенного светского государства было невыгодно и США, и Саудовской Аравии как государствам, но принесло огромные прибыли нефтяным сообществам обоих.

Однако впервые в явной форме глобальный управляющий класс проявил себя, насколько можно судить, в ходе продолжающейся серии волнений и восстаний в Северной Африке. Именно его активность, как представляется, породила бросающееся в глаза противоречие между полной неожиданностью для США событий в отдельных странах и стремительностью их реакции (от ис-

пользования материалов Wikileaks до распространения профессиональных инструкций для революционеров) на события в Северной Африке в целом.

Причина противоречия — в том, что в рамках одной и той же государственной оболочки США сегодня действуют два принципиально различных по своим устремлениям, хотя совпадающие по институтам (а порой и по отдельным людям) субъекта: национальная бюрократия и манипулирующий ею и (во многом “втемную”) использующий ее как свой инструмент глобальный управляющий класс.

Глобальный управляющий класс, насколько можно понять, с восторгом воспользовался началом революционного процесса, прежде всего в Ливии.

На поверхности мы видим старомодную, традиционную логику борьбы за ресурсы. Здесь в рамках общей тенденции архаизации налицо возврат к логике колониализма, ведшего войны за непосредственный контроль над территориями, в первую очередь — за нефтью и газом.

Кроме того, налицо месть Каддафи за социализм, а точнее — за трату ресурсов на обеспечение социальной справедливости. Принципиально важно, что не за теракт в Локкерби, — правда, сами ливийцы, в свою очередь, насколько можно понять, считали его ответным шагом, но Каддафи откупился от Запада, выдав непосредственных исполнителей, заплатив деньги и допустив в Ливию иностранный капитал. Это очень ярко характеризует вполне средневековый характер правового сознания лидеров “всего прогрессивного человечества”: за плати выкуп — и живи спокойно!

Но при этом не забывай, что ресурсы твоей страны рассматриваются этими лидерами как принадлежащие “всему человечеству”, то есть, в переводе на обычный язык, — глобальным корпорациям, чьи интересы они представляют.

И когда Каддафи платил тысячу долларов медсестре, а 64 тысячи — каждой молодой семье; когда он почти втрое увеличил свой народ за счет создания для него человеческих условий жизни, когда он обеспечивал почти бесплатный бензин, бесплатное образование, здравоохранение и электричество, — он превращал себя во врага отнюдь не только Чубайса. Он, прежде всего, делом развенчивал бредни либеральной пропаганды о том, что бесплатной социальной сферы не бывает.

Кроме того, делясь нефтедолларами с народом Ливии, по крайней мере, в значительно больших масштабах, чем это делает правящая Россией тусовка, он лишал этих нефтедолларов западную финансовую систему. Ведь олигарх или коррупционер, разворовывая деньги народа, выводит их основную часть на Запад, в результате чего они попадают в западную финансовую систему и поддерживают ее существование.

Если же сравнительно честный государственный деятель отдает деньги народа самому народу, эти средства остаются в стране и не подпитывают финансовую систему его стратегических конкурентов.

Таким образом, уничтожение “режима Каддафи” нацелено не только на прямую захват богатств недр Ливии, но и — если это не удастся — на концентрацию доходов от экспорта сырья в руках кучки компрадоров и коррупционеров, которые все равно никуда не денутся и введут эти средства в финансовую систему Запада.

Вероятность возникновения в Ливии самоподдерживающегося хаоса по иракскому сценарию невелика: не тот рельеф, не то население — и количественно, и качественно. Ливийская армия сможет сопротивляться несколько месяцев, пока не иссякнут запасы продовольствия — и широкое сопротивление затухнет.

Вместе с тем современная, постмодернистская надстройка традиционной стратегии захвата ресурсов заключается в том, что, если все пойдет наперекосяк, и освоение ресурсов станет невозможным, это не причинит управляющей группе никаких сколь-нибудь заметных неудобств: она просто сменит стратегию, несколько отклонит фокус применения своих сил.

И дело даже не в том, что контроль за ресурсами в информационный век важнее их использования, а то, что нефть не принесет прибыли конкурентам, а это важнее того, что она вообще никому не принесет прибыли.

Точнее, прибыль она всё-таки принесёт — в качественно новом, информационном смысле: изъятие ресурсов из оборота, создав дефицит, повысит цены — и повысит спрос на доллар, продлив функционирование их все менее контролируемой закачки в мировую экономику.

Однако преследование этой выгоды является лишь частным случаем качеством новой стратегии глобального управляющего класса – хаотизации.

Исчерпание стратегии “управляемого хаоса” и ее провал в Ираке оказался плодотворным: он показал возможность и эффективность качественно новой стратегии “неуправляемого хаоса”, которую мы видим в Северной Африке и, в частности, в Ливии.

Логика этой стратегии проста: “в мутной воде можно поймать более крупную рыбу”, хаос дает больше возможностей скачком наращивать власть и богатство, а главное – резко менять траекторию и саму логику развития целых обществ. Эмансипация же глобального управляющего класса от стран его происхождения (кроме, возможно, Швейцарии, Ватикана, Люксембурга, Монако и некоторых подобных государственных образований) снимает всякие ограничения на провоцирование хаоса: до “Пелоруса” с его подлодкой и собственным ПВО не дотянутся ни ливийские солдаты, ни японская радиация.

И в этом отношении союз США и Франции с радикальными исламистами (которые составляют основу ливийских повстанцев с северо-востока Ливии) вполне логичен и рационален. Ведь именно исламистские боевики лучше кого бы то ни было иного могут погрузить современный мир в кровавый хаос.

Пока единственной явной неудачей “новых кочевников” стал Алжир: ужас его управляющей системы перед исламским фундаментализмом дал ей иммунитет перед протестантами. А ведь развитие его по ливийскому варианту превало бы поставки газа в Европу, посадило бы ее на “голодный паек” и, вынудив европейцев самим делить друг друга на страны “первого” и “второго” сорта, безжалостно ограничивая доступ последних к энергии, положило бы конец европейскому проекту.

Однако катаклизмы в арабском мире еще отнюдь не закончены. Вероятно, попытки дестабилизации Алжира еще впереди, а если вторая после Югославии и создания раковой опухоли в виде Косова и косовской оргпреступности попытка торпедирования европейского проекта окончится неудачей, – придет время третьей и четвертой.

Значение агрессии в Ливии для российских граждан

Обычно при оценке последствий исходят из сугубо бухгалтерских оценок. Считают потери по обещанным, но не заключенным ливийцами военным контрактам (более 2 млрд долл.), по контракту на строительство железной дороги и некоторым другим подобным проектам. Потом говорят: “Но зато из-за напряженности подорожает нефть – или, по крайней мере, не подешевеет”. Потом начинают печалиться и вспоминать, что цена нефти мало связана с благосостоянием народа, так как основную часть нефтедолларов выводит на Запад криминальная бюрократия и, вероятно, управляемый ею государственный бюджет.

Такой подход, как и всякий бухгалтерский, драматически неполон. Прежде всего, прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против какого-никакого, но законного и признанного тем же Западом режима откровенно пугает. Особенно если вспомнить массивную информационную поддержку, оказывавшуюся Западом исламским террористам в их борьбе против России во время первой и даже второй чеченских войн.

Ливия при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков, – неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости, после подписания предательского Хасавюртовского соглашения.

При этом бить “руку кормящую” эти боевики побоятся, – а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место. Если учесть состояние отечественных “правоохранительных” органов, демонстрирующих полную импотенцию и способность лишь избивать студентов, разгонять пенсионеров и сажать в тюрьмы неаккуратно критикующих начальство “экстремистов”, приходится констатировать: свержение режима Каддафи может аукнуться в России новой террористической войной.

Но самое главное последствие агрессии – фактически окончательная отмена международного права.

И в Югославии в 1999-м, и в Афганистане в 2001-м, и в Ираке в 2003 году это было именно “попрание норм”, которое вызывало масштабный протест, в том числе и на самом Западе. “Попрание норм” – значит, было что попирать.

Сейчас же и попирать нечего.

Агрессия США и их сателлитов против Ливии показала, что можно просто придумать несуществующий на самом деле конфликт, высосать его из пальца – и на этом основании начать “вбамбливать страну в каменный век”.

Можно купить или напугать послов страны, чтобы они остались на ПМЖ в западных странах и сделали все требуемые заявления, фальсифицировать события при помощи постановочных съемок (которые с удовольствием транслируют глобальные телеканалы, игнорируя реальные новости) и голословно обвинить руководителя суверенного государства в чудовищных зверствах. При этом признавая легитимным руководителем нового государства бывшего министра юстиции – который, если Каддафи действительно творил какие-то беззакония, должен нести ответственность за них первым после Каддафи.

Впрочем, даже министр обороны США Гейтс был вынужден признать, что никаких признаков преступлений Каддафи против мирного населения, о которых трубила западная, – да и российская тоже, – пропаганда, не удалось обнаружить ни разведкой, ни самыми изощренными способами технического наблюдения. Разумеется, это отнюдь не остановило пропаганду. Как сказал один из руководителей глобального телеканала, “у нас нет цензуры – у нас есть редакционная политика”. После чего помедлил и пояснил: “Она эффективней”.

Агрессия против Ливии показала: можно полностью фальсифицировать реальность и на основе этой сфальсифицированной реальности протащить через Совет безопасности ООН нужную резолюцию – с грубейшим нарушением регламента (не было дано слова представителю Ливии). А затем, когда законное руководство страны возопит о прекращении огня и приеме международных наблюдателей, можно спешно напасть на нее – чтобы наблюдатели не успели прибыть и зафиксировать чудовищную ложь глобальной пропаганды. Напасть, кстати, в прямое нарушение Устава ООН, требующего создания для подобных операций международного командования под эгидой ООН, и с грубым превышением мандата, – но возмущаться этим уже некому.

Вот в этом отсутствии субъекта протеста – если, конечно, не считать посла Чамова, истерически уволенного за, насколько можно понимать, попытку защиты интересов России, – и заключается качественная новизна, качественно более высокий цинизм ситуации, который можно определить термином “исчезновение международного права”.

Не “попрание”, а “исчезновение”: разница велика.

При этом, как говорится, “все всё понимают”: дураков нет. Как выразился один западный дипломат примерно за неделю до вторжения, “проблема мирового сообщества – в физическом отсутствии повстанцев в Ливии”. Какие-то группки, конечно, были, – но о племенном, трайбалистском в самом прискорбном африканском смысле этого слова характере “восстания” не сказал за это время только ленивый. Эти группки захватывали власть в своей деревне, в крайнем случае, в своем городе и начинали с вожделием ждать подкупа со стороны центральных властей.

Исчезновение международного права опасно для России прежде всего практической реализацией древнеримского правила “Горе побежденным” и созданием ситуации, когда единственным способом защитить себя и свой народ от бомбардировок, от американских и НАТОвских “томагавков” является не просто наличие ядерного оружия и средств доставки, но и готовности их применить.

Это полный крах режима нераспространения: теперь, благодаря США и их сателлитам, никакого руководителя, пытающегося обзавестись собственным ядерным оружием, нельзя обвинить ни в чем, кроме разумной предсмотрительности.

В самом деле: почему никто не смеет тронуть пальцем давным-давно объявленных частями “оси зла” Северную Корею и Иран? Потому что у первой есть ядерная бомба, а у второго есть радиоактивные материалы, которые могут быть использованы для создания “грязной” бомбы.

А почему спокойно и, как говорится в российском УК, “с особым цинизмом” бомбят Ливию? – потому что полковник Каддафи в свое время признал правоту

Запада и отказался от идеи создания собственного ядерного оружия. И даже собственной военной промышленности не создал, социалист несчастный.

Для России особенную опасность в этих условиях приобретают либералы вроде обитателей “коллективного мозга” Медведева – пресловутого Института современного развития, непосредственно перед нападением на Ливию заявивших о том, что ядерное оружие России является помехой для модернизации по-медведевски. Это производит впечатление информационной подготовки к отказу России от ядерного оружия и либо ее подчинения НАТО, либо бомбардировкам ее территории, либо того и другого.

При этом такую позицию, при всем желании, сложно назвать предательством. Ведь ключевая часть либералов – и не только в России, а по всему миру – осознает себя частью не своей страны, а глобального управляющего класса. Для них предательство – это защита интересов страны и народа их биологического происхождения от притязаний этого класса, в частности, глобальных монополий.

А уничтожение своей страны и своего народа вполне может оказаться для них почетным долгом, исполнением которого они будут искренне, как Горбачев и Джинджич, гордиться до конца своих дней.

Формула будущего проста: “терпите либералов? – готовьтесь к бомбежкам!”

За ушко да на солнышко?

Но что же происходит в мире? Каковы новые условия функционирования глобального управляющего класса, заставившие его именно сейчас проявиться практически в явном виде? Что и почему вдруг вытаскило его, хотя бы и краешком, на свет в ситуации с новыми арабскими революциями?

Этот фактор представляется очевидным: мировой экономический кризис. Глобальный рынок вполне закономерно породил глобальные монополии: их некому регулировать, им не с кем конкурировать – и они, как им и положено, загнивают.

Вся мировая финансовая система под истошные крики о намечающемся выходе из кризиса качается на грани глобальной депрессии, – и в ее пропасть одинаково страшно заглядывать и профессиональным оптимистам, и “словьям Апокалипсиса”.

Страшным звоночком во время паники по поводу Фукусимы стало прямое предупреждение США в адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские гособлигации.

Это уже не пугающий рост доли краткосрочных бумаг – это прямое ограничение ликвидности, балансирующее, по сути дела, на грани технического дефолта. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС.

Стандартным позитивным выходом из ситуации загнивания монополий в отсутствие источника внешней конкуренции является технологический рынок, который ослабляет степень монополизации. Но именно поэтому монополии стремятся сдерживать технологический прогресс – и надгосударственный всеобщий глобальный управляющий класс эффективно выполняет эту функцию. Человечество, поколение назад вполне обоснованно мечтавшее о космосе и бесплатной энергии, сегодня может рассчитывать лишь на 3D-телевизор, очередной айфончик и диет-колу без всяких примесей коки.

А раз позитивный выход через технологический рынок в обозримом будущем, скорее всего, невозможен, – наиболее вероятной становится попытка негативного выхода, через либеральную экономию на спичках и ограничение потребления “лишнего населения”, – а это означает сваливание в депрессионную спираль.

Ведь глобальный монополизм непосредственно проявляется через нехватку спроса. Сталкиваясь с ней в условиях, когда генерировать спрос путем увеличения денежной массы становится из-за чрезмерного объема денег уже невозможно, глобальные монополии, как и всякие коммерческие организмы, начинают инстинктивно сокращать издержки. Сокращение ими издержек в глобальном масштабе – это сокращение потребления населения, которое потребляет больше, чем производит.

При этом “под ударом” оказываются отнюдь не нищие: что с них возьмешь? Они потребляют мало, и за счет еще большего сокращения их потребления много не выгадаешь.

Сокращение потребления ждет средний класс, становящийся ненужным из-за распространения сверхпроизводительных постиндустриальных (пока в основном информационных) технологий. Он последовательно уничтожался в Латинской Америке и Африке, а затем и на постсоциалистическом пространстве, — но сегодня эти резервы исчерпаны, и приходит очередь среднего класса “ядра” капиталистической системы, ее метрополии — развитых стран, утративших свою сакральную ценность в глазах эмансипировавшегося, отделившегося от них глобального управляющего класса. При этом принципиально важно, что социальная утилизация среднего класса развитых стран — пресловутого “золотого миллиарда” — отнюдь не решит проблемы, но лишь переведет её в новые постэкономическую и постдемократическую плоскости.

Проще всего с демократией: сегодня она существует от имени и во имя среднего класса. Во что она превратится после утилизации этого среднего класса, на его костях? — в информационную диктатуру, основанную на формировании сознания людей.

И не нужно думать, что путь к этому далек.

Давайте проверим сами себя: за счет управления нашим сознанием при помощи информационных потоков большинство из нас твердо знает, что Каддафи злодей. При этом мы не помним про теракт над Локкерби — Каддафи откупился от Запада за это (и, вероятно, похожие) преступление, и никто, даже среди “общечеловеков”, по-рыночному добросовестно не предъявляет ему повторно давно погашенных счетов.

Мы знаем, что Каддафи злодей, совершенно по иной причине: потому, что глобальные СМИ обвинили его в массовых бомбежах собственных мирных городов и преступлениях по отношению к мирному населению. При этом мы знаем, что это ложь, что никаких бомбежек не было, а нефтедоллары делились с населением значительно более справедливо, чем, например, в сегодняшней России, — но “осадок остается”: наряду с ясным осознанием лживости обвинений мы все равно неосознанно ощущаем, что Каддафи плох и защищать его стыдно.

Таково действие современных информационных технологий даже на критическое, осведомленное и не шокированное личными несчастьями сознание. В ходе же “зачистки” среднего класса Запада это сознание будет лишено критичности (современной системой образования), запутано информационными атаками и приведено в пластичное состояние личными несчастьями — разорением. Оно будет практически идеальным объектом для внешнего управления.

В глобальном плане массивное формирование сознания приведет к завершению начинающегося сейчас процесса расчеловечивания: к отказу от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и возврату к слитно-роевому ее существованию, может быть, через серьезные, меняющие психотип бедствия.

Первый шаг к этому сделан, причем уже очень давно: декартовское “Я мыслю — следовательно, существую” давным-давно подменено обществом массового потребления более удобной формулой “Я покупаю — следовательно, существую”.

Вместе с тем массовое зомбирование, позволяющее создать ощущение полноценного потребления у человека, почти не имеющего возможности покупать (движение к этому можно наблюдать, например, в современной Прибалтике и Восточной Европе в целом), делает ненужной рыночную экономику как таковую. Согласитесь: если человеку без особого труда можно внушить, что нанесение на вещь того или иного лейбла в разы повышает ее стоимость (а это положение уже достигнуто), — обмен в массовом порядке становится неэквивалентным.

А неэквивалентный обмен, то есть грабеж, возведенный в основу экономических отношений, не только разрушает рынок, но и просто отменяет его.

И это естественно: социальная утилизация среднего класса лишит современную экономику необходимого ей спроса, — а экономика без спроса является рыночной.

Благотворительность – лучший бизнес?

Поскольку крупнейшие капиталы предчувствуют, – а возможно, даже и предвидят будущее, в их среде наблюдается отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил, стандартов и их комплексов в виде новых общественных или групповых культур.

Перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей активности в сферу благотворительности совсем не обязательно является формой “ухода от дел”, хотя благотворительная оболочка действительно эффективно защищает капитал от налоговых расследований.

Но главное в другом: благотворительность как форма организации деятельности целых направлений некоммерческих организаций является стратегическим бизнесом, стратегическим инвестированием – не в конкретные производства, а в создание новых стандартов, смыслов, идей и структурообразующих организационных конструкций.

Это самый рентабельный бизнес, качественно новая сфера массовой глобальной конкуренции; СМИ – лишь инструменты трансляции, навязывания, экспансии новых смыслов.

Непосредственно этот переход вызван кардинальным изменением систем управления.

Значение бизнеса в процессе формирования стандартов и стратегий резко выросло в условиях перехода от иерархических систем управления к сетевым. Данный переход никогда не закончится, реальное участие в конкуренции будут принимать сочетания тех и других. На низшем уровне находятся непосредственно действующие сетевые организации, направляемые и отчасти конституируемые иерархическими структурами, находящимися на втором уровне глобального управления. Но сами они – лишь исполнители воли, приводные ремни сетевых структур, какими являются сгустки глобального управляющего класса.

Степень иерархизации мира резко снизилась – причём как внизу, так и на верху управленческой (и социальной) пирамиды: господа действительно вполне диалектически оказались подобием рабов (а занимающие промежуточное положение менеджеры “выпали из контекста”, что сулит в будущем массу интересных социальных коллизий вроде братания владельца корпорации со студентом-протестантом через голову топ-менеджмента; впрочем, популярные в США сюжеты с комиком, едва не ставшим президентом, могут быть эхом и этой коллизии тоже).

В практическом плане снижение степени иерархизации систем управления означает снижение роли старых, внешних для личности, административных рычагов и рамок управления – и потребность в появлении новых рычагов и рамок. Поскольку в рамках сетевой структуры субъект действия ограничивается и направляется не приказами, а собственными представлениями и “духом комьюнити”, новая система управления должна управлять в первую очередь его мотивациями и общими правилами.

Она должна формировать стандарты поведения, принципы (“что такое хорошо и что такое плохо”) и основные смыслы, определяющие состав и приоритеты повестки дня, на основании которой действуют и субъект, и организация.

Этим занимаются некоммерческие (в значительной степени аналитические, так как среди “сетевых исполнителей” тоже достаточно НКО) организации, оплачиваемые через благотворительность. Вот почему и благотворительность стала важнейшей формой стратегического инвестирования.

Рыночные отношения заменяются отношениями по формированию стандартов, норм и правил глобальным управляющим классом – и это во всё большей степени чувствуется и в России.

Что сказал Байден

“Моментом истины” для ближайшего будущего России стал визит вице-президента США Байдена.

Скорее всего, он попросил Медведева не накладывать вето на резолюцию Совбеза ООН по Ливии, пообещав не наносить по ней удара до визита мини-

стра обороны США Гейтса, который должен-де как военный человек оговорить все собственно военные аспекты.

Естественно, после согласия России последовала немедленная военная операция – и задержка визита Гейтса. Задержка строго логичная: начало военных действий требует внимания министра обороны, а бессмысленные визиты вежливости могут и подождать.

О том, что Медведева именно грубо и цинично обманули – примерно как Горбачева, – позволяет предположить истерическая, на 180 градусов за одну ночь, смена позиций российских официозных телеканалов. Мертвому ослу было ясно, что дело идет к войне, – но указавший на это посол был устранен со своего поста за сутки до того, как российская государственная телега, кряхтя и постанывая, была вынуждена занять его позицию.

Да, конечно, американскому руководству, насколько можно судить, просто нельзя верить. Возникает ощущение, что им просто неведомы такие понятия, как “правда” и “ложь”. Достаточно вспомнить успокоительные заявления Обамы о том, что сухопутной операции не будет, – после которого выяснилось, что американские сухопутные войска находятся на территории Ливии уже 10 дней. . .

Но, конечно, вероятный циничный обман американцами Медведева не мог быть возможен без встречного – и при том массового – желания российских руководителей. “Ах, обмануть меня несложно: я сам обманываться рад”.

Не будем забывать, что для российской политики главным смыслом визита Байдена было определение будущего российского президента. Насколько можно судить, на выборах 2012 года победителем будет назначен* тот представитель правящей тусовки, который пойдет на них, – и весь смысл выборов заключается в неформальном определении самой этой тусовкой (до конца этого года) своего будущего вожака.

А поскольку основную часть этой тусовки составляет, по гениальному определению Суркова, “оффшорная аристократия”, сосредоточившая на Западе критическую часть своих активов – от счетов и недвижимости до семей, – и потому полностью зависима от Запада, главным избирателем следующего президента России является именно Запад.

И Байден не просто проголосовал, но и сделал это с особым цинизмом, максимально унижая оппонента Медведева и ломая его психику.

Вице-президент США заявил в лицо “национальному лидеру”, профессионально занимающемуся “подниманием России с колен” (правда, без уточнения, в какую именно позу) и отстаиванием “суверенной демократии”, что ему не нужно идти на следующие выборы. Это чудовищное унижение, немыслимое даже по отношению к американским сателлитам вроде Польши или Чехии, но Байден пошел дальше – он рассказал об этом российским оппозиционерам, твердо зная, что хоть кто-то из них, но предаст его сообщение гласности!

И молчание госдепа США и МИДа России, убедительно подтвердив рассказ Каспарова, сделали невероятное унижение Путина публичным.

Но нам важнее не его хотя и яркая, но уходящая натура, – а то, почему американское руководство в лице Байдена выдало “ярлык на княжение” именно Медведеву.

Либеральный клан; египетский вариант для России

Медведев производит сильное и устойчивое впечатление не более чем “фронтмена” рвущегося к власти в России либерального клана. Скорее всего, он не играет самостоятельной роли и может быть заменен после выполнения “непопулярных” мер в стиле 90-х (о возврате которых грезят либералы).

Либеральный клан един в своих официальных и формально “оппозиционных” группах (признак этого – свободный приход либеральных оппозиционеров вроде Н. Белых на государственную службу) и, насколько можно судить, представляет собой туземную обслугу глобального управляющего класса.

Ставка на Медведева выглядит как ставка на “своего парня”, какими бы

* Разумеется, под видом выборов. Как, помнится, заверил общестенность один из бонз Центризбиркома по поводу выборов-2008: “Выборы президента Медведева пройдут с полным соблюдением самых высоких демократических стандартов”.

недостатками он ни обладал, в противовес засидевшемуся и надоевшему своей недостаточной прозападностью “авторитаристу”.

Этот выбор полностью аналогичен тому, который глобальный управляющий класс сделал в Египте.

Мубарак был самым проамериканским и произраильским из всех возможных лидеров Египта, – но он надоел и стал выглядеть недостаточно либеральным по сравнению с каким-нибудь аль-Барадеи (о котором в разгар революции вспомнили ровно на полдня). И верность Западу не помогла Мубараку.

Выбор Байденом Медведева означает, что ситуация в России развивается по египетской кальке – только в отсутствие как политически самостоятельных военных, отодвинутых от кормушек засидевшимся диктатором, так и “братьев-мусульман”, поколениями окормлявших практически всех бедняков страны и создавших для них разветвленную и действенную систему социальной помощи.

Впрочем, позиция глобального управляющего класса амбивалентна, как и везде: придет к власти “свой парень” и будет делать, что скажут – хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 90-х окунет страну в хаос – для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Приходится констатировать: угроза установления китайского контроля над Сибирью, устрашающая представителей американской национальной бюрократии, представляющей глобального класса не тревожит. Они мыслят не столько материальными ресурсами, сколько информационными потоками и ощущениями. Для них скачкообразное расширение Китая, качественно повысив глобальную напряженность, сулит новые прибыли.

Да, в этом случае США потеряют стратегическое значение, – но, похоже, глобальному управляющему классу их уже не жалко.

Конечно, китайское руководство, в отличие от американского, не манипулируемо и самостоятельно, – но смена поколений (в результате которого, как в Израиле, “отмороженные” патриоты сменяются получившими западное образование и нацеленными на бонусы менеджерами) меняет ситуацию.

Возможно, глобальный управляющий класс просто вырос, и скорлупа американского национального правительства тесна для него.

Может быть, он просто второй раз подряд совершает ошибку: ведь, освободившись от государства, он освободился и от части государственных аналитических возможностей.

Но, так или иначе, результат визита Байдена очевиден: главный избиратель путинской России публично проголосовал за Медведева – и за ним подтягиваются остальные, грозя обрушить нашу страну в новые 90-е годы, а затем – в системный кризис.

Наступление либерального клана развивается успешно

Рост недовольства общества пропагандистскими мерами умело фокусируется преимущественно на Путине и, в особенности, на возглавляемой им “Единой России”. Медведев одновременно выводится из-под критики и позиционируется как надежда на светлое будущее.

“Либерализация” Уголовного кодекса готовит вторую криминальную революцию, призванную придавить протест и направить его в нужное для либерального клана русло. Для переформатирования и обеспечения пластичности общественного сознания возможны чудовищные зверства на этнической почве – подобно осуществлявшимся в 1992 году в Приднестровье.

Для подготовки подавления протестов беспрецедентно расширены полномочия силовиков (МВД, ФСБ, Следком), судебная система, насколько можно судить, превращена в придаток исполнительной власти, проводится модернизация ОМОНа и Внутренних войск (с фактической ликвидацией армии как боеспособной силы).

Фоном этого является непрекращающийся рост цен, разрушающий благосостояние населения, неопределенность с урожаем (озимые погибли из-за “ледяного дождя”, а денег на селе после засухи нет) и мировым рынком продовольствия (свободного продовольствия на нем может просто не оказаться).

Либеральный клан как представитель коррупционной части бюрократии заинтересован в углублении коррупции (признак – предложение Высшей школы экономики и минэкономразвития разрешить проводить крупные госзакупки без конкурса). Целостность страны, насколько можно судить, не является для него высшей ценностью, и Россия может быть по-горбачевски дезинтегрирована после 2012 года: с точки зрения правящей тусовки – от беспомощности и для “заметания следов”, с точки зрения глобального управляющего класса – в рамках концепции хаотизации мирового развития.

В условиях поддержки Медведева американцами либеральному клану не нужно соблюдения даже минимума демократических приличий – по тем же причинам, по каким оно было не нужно Ельцину в октябре 1993-го и в июне-июле 1996 года.

Не нужно это соблюдение и представителям силового клана, – хотя по строго противоположной причине: им уже почти нечего терять, их разумная часть хорошо знает, что либеральный клан пленных не берет.

Одним из результатов отказа от демократической мишуры является полный запрет даже на формальную регистрацию новых политических партий. В отношении партии “Родина: здравый смысл” это вызвано еще и страхом организаторов второй криминальной революции перед структурой, объединяющей отставных армейских офицеров и потенциально способной противостоять этой революции.

Задачи здоровых сил народа России

Правящая бюрократия показала наглядно, недвусмысленно и с предельно окончательной откровенностью, что ей не нужен никакой диалог и никакое конструктивное взаимодействие с народом России.

После назначения президента и оформления этого назначения в ходе выборных процедур 2012 года Россия будет ввергнута правящей тусовкой в жесткий системный кризис. Мы не знаем, начнется ли он в конце 2012-го или же в 2016 году, но сегодня ясно: сгнившая система коррупционного уничтожения России не доживет не только до чемпионата мира по футболу в 2018 году, но и до столетия Великого Октября.

За отпущенное нам время здоровая часть народа России должна стать организованной и сплоченной силой, чтобы, взяв власть в условиях системного кризиса, свести к минимуму его разрушительные последствия и провести оздоровление государства стремительно и безболезненно для страны.

Общая задача на первом этапе проста: в ходе парламентской избирательной кампании необходимо нанести коррумпированной части правящей тусовки ущерб, который заставит ее считаться с народом хотя бы на президентских выборах 2012 года.

Основное направление информационных ударов – внедрение в общественное сознание понимания того, что **коррумпированная бюрократия является не более чем услугой глобального управляющего класса**. Она перерабатывает биомассу, по праздникам именуемую “населением”, в миллиардные капиталы, личные океанские яхты с собственными подлодками и ПРО, замки в Швейцарии, Австрии и “Рублевском федеральном округе”, в куршевельские загулы. Коренное оздоровление государства, очищение его от скверны коррупции – а значит, и от правящего класса – условие выживания не только России, но и каждой российской семьи.

В отношении конкуренции Медведева с Путиным следует отринуть все иллюзии о стремлении последнего к сохранению государственности и о стремлении первого к его гуманизации. Они – части единого целого, и участие (пусть даже только информационное) в борьбе между ними надо всецело подчинить решению изложенных выше задач.

Делегитимация выборов – незаконность будущей власти

Полное блокирование регистрации каких бы то ни было новых партий означает не только грубое попрание правящей тусовкой простейших демократи-

ческих норм, но и делегитимацию выборов, а значит – и самой государственной власти.

Ведь эти нормы появились не из стремления к гуманизму и нравственно-му самосовершенствованию, а из простейших функциональных соображений: люди подчиняются только той власти, легитимность, то есть законность, которой они признают.

В разных культурах источник легитимности различен.

Это может быть божье помазание, закон, традиция или решение группы старших товарищей (как, например, в Китае). Это могут быть выборы – как в условиях демократии.

В России источником легитимности, как это ни парадоксально, является не телевизор, не “побеждающее зло” “бабло” и даже не пресловутый “вашингтонский обком”, а выборы.

Не потому, что наше общество демократично, – у нас с этой процедурой свои сложные исторические отношения, и огромная часть общества искренне полагает традиционную западную демократию не высшей и самодостаточной духовной ценностью, но лишь инструментом, вроде гаечного ключа: подходит – хорошо, нет – поищем другой.

Выборы являются источником легитимности российской власти просто из-за неукорененности или неприемлемости всех остальных ее источников.

Демократия для нас носит остаточный характер. Мы живем строго по Черчиллю: даже те, кого от нее мутит, понимают, что альтернативы или никуда не годятся, или просто не подходят.

В последние полтора десятилетия государство ставит эксперимент над самим собой, с нарастающей интенсивностью демонстрируя народу, что его воля больше не имеет отношения к выборам.

Началось с президентских выборов 1996 года под лозунгом “бабло побеждает зло”. Однако в последние годы мы видим качественное изменение ситуации.

Выборы становятся нелегитимными уже не в силу поражающих воображение фальсификаций, начиная от прямых “вбросов” до, насколько можно понять, компьютерных махинаций в рамках системы ГАС “Выборы” (ибо расхождения в данных протоколов избиркомов и итоговых данных трудно объяснить иначе).

Выборы становятся нелегитимными еще до своего официального объявления – ибо к ним принципиально не допускаются новые, вновь создаваемые политические структуры. В условиях быстрого изменения социального облика российского общества, идущего на протяжении всех 2000-х годов, это означает, что огромная, – а возможно, и преобладающая его часть – гарантированно не будет иметь своего политического представительства. Ведь к выборам допускаются только старые политические структуры, опирающиеся на социальную и эмоциональную базу прошлого, и не допускаются те, кто отражает новые интересы, новые понимания и новые смыслы, рождаемые обществом.

Но, может быть, я перегибаю палку?

Есть очень простой и эффективный способ проверки.

Если власть действительно отражает волю народа и является его порождением (этой точки зрения придерживаются те, кто полагает, что нарушения в ходе выборов влияют на их результат лишь несущественно), – она не может уничтожать его.

Если власть порождена народом, она ему служит.

Что же делает тусовка, управляющая государством?

Насколько можно понять, она последовательно уничтожает социальную сферу, эффективно дебилизируя население целым комплексом, вероятно, хорошо продуманных мер.

Она лишает граждан даже теоретической возможности самозащиты, предоставляя беспрецедентные полномочия представителям “правоохранительных” органов и превращая судебную систему в, по всей видимости, карательный орган “круче сталинского НКВД”.

Красиво разговаривая о модернизации России, правящая тусовка выводит ее деньги за рубеж, по сути, направляя их на модернизацию стратегических конкурентов нашей страны и нашего народа. Захлебываясь от нефтяных долларов, утопая в фантазмагорической роскоши и заморозив в бюджете более 40% его расходной части, правящая бюрократия цинично заявляет об “отсут-

ствии средств” на самые насущные нужды народа, усиливает его налогообложение и всерьез обсуждает повышение пенсионного возраста сверх продолжительности жизни!

Каждый россиянин может продолжить этот список десятками конкретных примеров.

Эти примеры с юридической, медицинской точностью доказывают, что современная власть не служит народу – и, соответственно, не порождена им. В противном случае она была бы немедленно поправлена народом.

Это подтверждает высказанную мною гипотезу: современная российская власть, скорее всего, нелегитимна, – и запрет на признание новых политических сил гарантированно делает нелегитимной власть, сформированную по итогам избирательных спектаклей 2011-го и 2012 годов.

Принципиальный вопрос, который нужно решить до лета

Должны ли ответственные представители народа России (самоназвание “оппозиция” контрпродуктивно) бороться за бойкот предстоящих выборов в парламент как заведомо фальсифицированных?

Или же, напротив, опираясь на рост протестных настроений, должны бороться за максимально активное участие в выборах по принципу “голосуй за кого угодно, кроме “Единой России”, тем самым легитимизируя неизбежные фальсификации, но надеясь на ослабление ее позиции в пользу других контролируемых правящей бюрократией партийных механизмов?

То есть – нужно ли подрывать коррумпированную бюрократию или же следует пытаться укрепить себя в “игре в поддавки” с ней, стремясь к дополнению ее декорации – “Единой России” – другими, более приличными и потому повышающими жизнеспособность коррупционного класса партструктурами?

Ответ на этот вопрос не может быть дан одним человеком: он должен быть рожден в ходе обсуждений, в ходе согласования мнений самых разных, пусть диаметрально противоположных сил, объединенных пониманием одной простой истины: “Те, для кого чужды интересы народа, должны уйти”.

Для сохранения России.